

Анастасия Лебедева

Белая луна

Анастасия Лебедева

Белая луна

Книга поэзии

Минск
2003

Лебедева А.

Белая луна. Книга поэзии / А. Лебедева. — 2003. с 88.

«Белая луна» — первый сборник поэзии Анастасии Лебедевой. Признаться, это далеко не легкокрылый мотылек, сорхнувший с руки юной школьницы.

Стихи Анастасии, несмотря на ее возраст, оригинальны и достаточно совершенны, если судить о них, как о произведениях искусства.

Пожелаем же молодой поэтессе и дальше быть в творческо-обоюдном согласии со своей поэтической Музой!

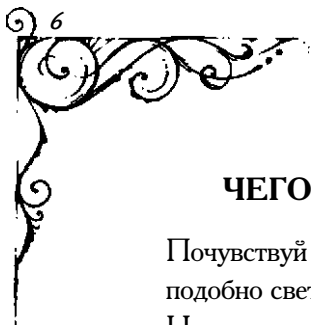

Я не могу жить без поэзии потому что, наверное, живу в ней. Каждая минута моей жизни так или иначе находит отражение в творчестве. Я считаю, что по сути своей человек от рождения и до смерти – воин.

Я много пишу о любви. Любовь, которая способна победить страдания, – великая любовь, но часто и любовь потерянная. Это безграничное чувство, приходящее в разных обличиях, навсегда оставляет след в душе человека.

У меня нет избранных тем, нет секретов. Пишу о том, что чувствую, что кажется мне важным.

А. Лебедева

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ?

Почувствуй страх! Он обновит тебя,
подобно свету северной звезды.
Нет, я не ведьма и не дочь огня.
Я просто жду чего-то, как и ты.

Возможно, слез. Их горечь холодна
и, словно яд, сжигающая нас.
Когда восходит белая луна
и вечностью отмерен час.

Чего мы ждем? Ведь все и так известно.
Нам эта боль проклятием дана.
Тебе я отдавалась, как невеста,
но для тебя невестой не была.

Мой мученик, любимый и далекий!
На плаху — грудь и метку на дому.
Не говори о вечном и высоком,
когда с тобой, погрязшие в дыму,
мы ждем расплаты.

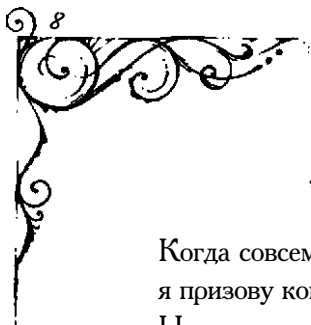
ВЕЧНЫЕ ЛЕГЕНДЫ

И горечью и криками победными
навек их запомнила земля.
Они остались вечными легендами,
единственными женами кремля.

Не в золоте, но сердцем благородные,
а многие — по тюрьмам до конца.
Они учили женщин быть свободными
и вновь не спать за сына и отца.

На их руках лежат ожоги времени,
на их губах ожоги от любви...
И каждой с дикой жадностью отмерены
нелегкой жизни ветренные дни.

* * *

Когда совсем уйдешь, как будто не был,
я призову кого-то нелюбя.
Но вечен только Бог и, может, небо,
а мы с тобой разрушили себя.

И на песке чужими именами
прославят нас чужие сыновья.
Зачем мы жили? И за что страдали?
Я не твоя... И вечность не твоя.

МЫ СТАЛИ ПЕСКОМ

Мы стали песком на холодной земле.
Немая, бездушная гладь.
И я не приду на рассвете к тебе,
не буду тебя обнимать.

Как страшно... Над нами плывут облака,
но больше не кажутся сном.
Мы всё потеряли, и здесь навека
под розгами ветра умрем.

Там коршуны кружат над бездной слепой
и плещ обвивает кресты.
Я просто хотела остаться с тобой,
но к пропасти бросился ты.

— Пстой же, любимый!.. Вдвоем — до конца!
Застыли страдания глаз.
И матери наши сомкнули сердца
в последней молитве за нас.

ВЕЛИКИЙ СУД

Распятыe собственным страхом,
мы бьемся, как ветви об лед.
Под пение гордых монахов
суда ожидаем черед.

Где золотом правду не купишь,
и слог приговора звучит,
зачитанный голосом судий
и шепотом белых Феид.

Здесь тысячи молят пощады
и тысячи падают в ад,
оставив лишь белые пряди,
которые смоег закат.

Но суд не казнит без разбора,
и к каждому милостив он
от самого первого стога,
до ужаса смертных времен.

ОТКРОЙТЕ ОКНА...

Откройте окна проклятого мира,
где склепы называются домами,
и вместо Бога, созданным кумирам,
возводят храмы слабыми руками.

Где ненавидят матери бездушно
своих детей, зачатых поневоле.
И топчат хлеб ногами равнодушно,
незамечая собственного горя.

Откройте окна! Каменные стены
залейте светом — солнечные нити.
И в бледном теле спутанные вены
с закисшей кровью верой оживите.

Пусть отрекутся в светлом покаянии
от всех грехов, ведущих на погибель.
Прощенные Всевидящем Сознанием,
в открытых окнах радугу увидят.

БЕЗБОЖНИЦА!..

Безбожница! Позор отцов!
Все это я... Я здесь такой нужна.
И в этой массе пьяниц и слепцов
ты ждешь, когда наступит тишина.

Когда застынет лезвие и крик,
стальным лучом испепеляя свет,
сними, палач, с меня седой парик!
Я молода, прекрасна, как рассвет!

Я здесь стою, отображая страх
прогнивших душ с единого куста.
Немые девы в бледных жемчугах,
смотрите, что такое красота!

И вы, старухи, креститесь опять —
вам впереди лишь вечность да покой,
но смотрите, как будет умирать
живая плоть в огнии слепой.

И я стою, на небо не смотря,
всю вашу злость читая по глазам.
Ты тоже здесь, отрекся от меня...
Сам целовал и предал — тоже сам.

ЗДЕСЬ НЕТ МУЖЧИН...

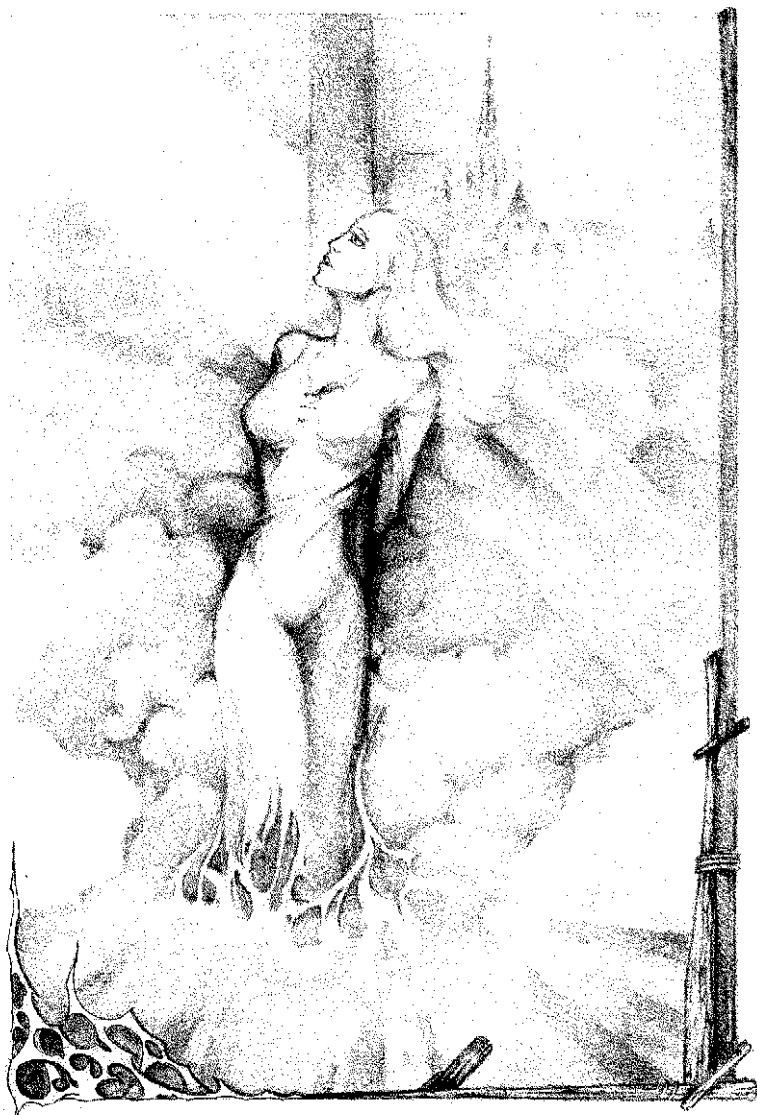
Здесь вечность, где не помнят про любовь,
где ночи только холодом полны.
У нас украли молодость и кровь,
нас из постелей бросили в гробы.

Развратники в расписанных плащах,
и генералы строгие собой,
вы так легко деретесь на мечах,
и так легко ломаете покой.

Вам женщины — как средство для утех.
Вы нашу силу тратите за нас,
как правите и держите успех,
и даже боги числятся из вас.

Но кто вы в суте?.. Льстивые глупцы.
Повержены желанием на прах.
А мы идем за вами под венцы
и даже в ад на казнях и кострах.

КАЗНЕННАЯ НА РАССВЕТЕ

Сквозь гнилые отрепья кровоточили раны,
но с крестом на груди, непризнавшая ложь,
она гордо ступала по дорогам тумана
и по проданным душам самозванных святош.

Та ли церковь свята, что ее окружала —
сотни стен и людей с диким блеском в глазах?
Только не было света в заколоченных залах,
и настенные росписи сеяли страх.

Там звучал приговор: «Ты сгоришь на рассвете!»
Под распятым сидящий, убивал за любовь
и за веру в единство на этой планете,
и за знание мира, приходящее вновь.

Но могла ли она хоть на миг ненавидеть
этих, страхом объятых и несчастных людей?
Бог учил нас любить и спасение видеть
только в этой любви, а не в казне над ней.

Ей кричали: «Безбожница!», грязью бросая,
и к столбу над костром приказали взойти.
Но молилась она, за любовь умирая,
и хотела молитвой их души спасти.

Черный дым над скрещением каменных башен,
как немая змея, уползал в тишину,
оставляя на лицах, разводами сажи,
их остывшую злобу и их же вину.

ЗА РОДНУЮ РУСЬ!

Лес, как хор поет, прославляя Русь,
на крестах могил солнце пишет нам,
как сказал солдат: «Я еще вернусь!»,
припадая лбом к дорогим рукам.

И сомкнулись сны матерей живых
во единый круг и в рассветный стон.
О, Святая Русь, сколько было их
за твою весну и за свет икон!

Каждой болью ты воскресала вновь —
пусть из пепла вновь на земном краю.
За твои стихи. За твою любовь.
Отдавали жизнь лишь за жизнь твою.

Как дрожала ночь. Не спала земля.
И на каждый вдох не хватало сил.
Провожали их купола кремля,
а встречала смерть в тесноте могил.

Но не нам, живым, в вечном рабстве быть.
И не им тогда — отступать назад.
За родную Русь продолжали жить
и врагов своих отправляли в ад.

Небо смотрит вниз, в тишину долин,
где — на век следы от усталых ног.
Позади Москва, впереди Берлин...
Им судьбы иной не оставил Бог.

ХРАМЫ РОССИИ

Возвышаются храмы России,
прославляя собой старину.
Как извечные матери силы,
купола задевают луну.

За последними крошками хлеба
и за горечью пролитых слез
остается прощение неба,
за свободу распятый Христос.

САМА СУДЬБА

Я ухожу! Ты остаешься здесь!
Ты с нашим прошлым делишь нашу боль.
Но где же гордость? Где былая спесь?
Сама судьба расправилась с тобой.

Да, это казнь! И вечен приговор,
как вечен храм, и небо, и покой.
Но где же подлость? Где пустой укор?
Сама судьба расправилась с тобой.

Пусть слог мой вязок, и дрожит рука,
но эти строки — похоронный бой
любви былой. И холодом клинка
сама судьба расправилась с тобой.

ЛЮБИЛА...

Убить тебя не стоит чести.
И смерть твоя мне только боль,
хоть я и грезила о мести,
но не могу. Дрожу с тобой.

Я за тебя еще боюсь.
И кровь твоя мне руки плавит,
когда на сердце черный туз
так неизменно выпадает.

Из всей колоды — черный туз.
Оставь же бледность для могилы.
Ты все равно теперь умрешь...
Умрешь, а я тебя любила.

Я всей душой была твоя!

Я ВЕРНУСЬ...

Мне страшно,
слышишь?
Страшно под огнем
на части рваться
за твои грехи.
Я столько лет одна
пылаю в нем,
а ты по небу
делаешь шаги.
Но разве я
виновница тому,
что чье-то сердце
в клочья порвала?
Я жизнь разбила,
праведную душу
на жертвенник
без страха отдала.
Я города сжигала
для тебя,
в немые глыбы
превращала море.
Поверженна
желанием огня,
заложница
любви своей и боли.
И кровью расписавшись
на холсте,
я здесь,
я рядом,
я вернусь к тебе.

НАД БЕЗДНОЙ

Одна, просыпаясь
в безумном полночном бреду,
я имя твое,
как молитву святую читаю.
И плачу от боли,
и вновь за тобою иду
над страшною бездной,
по самому хрупкому краю.

Ты кровью моей
растекаешься в венах живых,
потоком — по сердцу
и трепетом нежным — по телу.
Я знаю, ты здесь,
но лежит между нами обрыв,
который, увы,
я пройти для тебя не успела.

НЕ БЫТЬ С ТОБОЮ...

В раскатах огненного грома
качнется небо, и луна
уронит белые оковы —
во тьме останется одна.

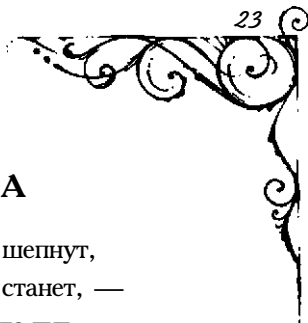
Одна, несломленная болью
стихия вечной мерзлоты.
В ней нет души. И даже крови.
С ней никогда не будешь ты.

А я, подвластная тревоге,
томима ревностью слепой,
смотрю на пыльные дороги,
уйти желая за тобой.

Пусть пустота, но вечно — вместе
я быть готова в мраке дней:
у Алтаря — твоей невестой,
у гроба — мукою твоей.

И сердце сердцем закрывая,
отдать тебе и жизнь, и плоть...
Меж пламенем и вечным Раем
пусть обвенчает нас Господь.

Но вновь рассвет. Глаза открою —
постель пуста и холодна.
Мне никогда не быть с тобою...
Не быть с тобою никогда.

СМЕРТЬ ВОИНА

Не стены спальни нам шепнут,
что эта ночь последней станет, —
нам скажет сердце: где-то тут
голодной смерти дух витает.
Еще стоишь в тумане свеч,
но до восхода, как до срока
поднимет войско к небу меч —
и ты уйдешь на поле рока.
Ты — воин, призванный судьбой
за дело чести и свободы
в отрепья плоти неживой
кромсать враждебные народы.
Я стану ждать, но в этот раз —
лишь извещения немого,
что смерть решила всё за нас
в жестокий час войны суровой.
Безмолвной девою войдя
на отпевание во храме,
последний раз коснусь тебя —
лица холодного — губами.
И этот гроб среди цветов,
и знамя крестное, святое...
Под громкий звон колоколов
с тобою мир простится стоя.

МОНАХИНЯ

Покинут мрак по воле ночи
на твердом поприще земли.
И купол пылью позолочен —
качает звезды-корабли.
Здесь всюду тишь. Сильнее волны.
За монастырскою стеной,
в тумане каменном и темном,
я навсегда нашла покой,
когда под медленные звуки
органных труб качнулся храм,
и пали волосы и руки,
и ветер бил по куполам.
А после — тихо, как в могиле,
меня покинули одну.
И за стеною говорили:
я здесь останусь и умру.
И стало страшно на мгновенье.
Прижавшись сердцем к Алтарю,
я умоляла о спасенье —
и Бог услышал боль мою.
Пречистый миг. Свеча сгорела,
спасая тени от огня.
И я душою просветлела,
иной любовью любя.
И без соблазна вспоминая,
твои объятия и сны
в миру навеки покидая,
ушла из этой темноты.

Будь счастлив, милый! Мы — едины
в той жизни плена и огня,
но только истина отныне
совсем иная для меня.

И ты поймешь, поймешь однажды,
посеребрённый сединой:
родившись раз — родимся дважды
не грешным телом, но душой.

УЙДУ...

Назови меня сегодня невестой —
в белом платье я стою, как во льду.
Освети меня звездой небесной,
а на утро я навеки уйду.

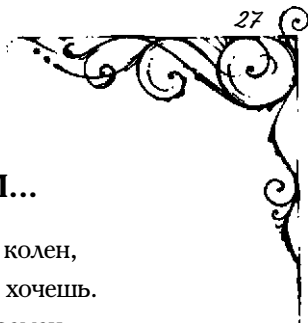
Пусть душа моя наполнится светом.
Пусть поверю я в обманы твои.
На любовь мою не будет ответа,
потому что ты живешь без любви.

И в объятиях твоих, полных страсти,
ощущается холодная боль.
На судьбу твою не выпало счастье,
потому что ты не веришь в любовь.

Ты свободен от пустых обещаний,
отражающий безумство огня,
и в обрывках полуночных свиданий
я за это полюбила тебя.

Чистоту свою, как жертву святую,
во владения швырнула твои,
и меня ты отпускаешь пустую
с чернотой и вином во крови.

Эта боль моя тебе не известна.
На прощание к груди припаду.
Назови меня сегодня невестой,
а на утро — я навеки уйду.

ТЫ НЕ РЯДОМ...

Не унижайся, встань с колен,
мне все равно чего ты хочешь.
Пусть бьется ветер перемен,
сжигая пагубные ночи.
Когда печатью на губах
легли твои прикосновенья
и дрожь в коленях и руках
одно рождало — унижение.
Ты ненавидел голос мой,
с тобой я криками звучала,
когда в идилии ночной
просил меня, чтоб я кричала.
Ты называл меня своей,
как будто вещью нарекая,
и я двойной была теперь:
с тобой одна, в душе — другая.
Но сила неба не дала
разбиться мне, как бьются звезды.
Я просто ночью умерла...
Ты понял все, но было поздно!
И вот, раскаяньем распят,
к земле колени преклоняя,
мечтаешь броситься назад,
туда, где я еще живая.
Я умоляю: — Встань с колен
и не проси простить, не надо...
Пусть бьется ветер перемен —
я счастлива, что ты не рядом.

ТЫ ПРЕДАЛ...

Чужая постель —
твой последний приют.
Слезами небесными
выпадет иней.
Ты проклял любовь
и надежду мою
в порочных объятиях
падшей богини.

Когда,
опьяненный ее красотой,
покорно склонился,
желая согреться,
я слышала гром...
И застыла звездой,
прожженная молнией
в самое сердце.

* * *

Мой нрав — жесток,
а молодость — печальна.
И в мирных снах, ответа не найдя,
ладонями касаюсь не случайно
твоих ладоней, мимо проходя.
Я, как огонь...
Но ветру отдана.

КОГДА-ТО...

Холодные губы не скажут о главном,
предательским шепотом в сердце впиваясь.
И ты предо мной на колени поставлен,
остывшей молитвой во мне оставаясь.
Душа без любви не боится расплаты,
кольшется в теле и молится вяло.
Я тоже кого-то любила когда-то...
Я помню, как имя его повторяла.

За что мне Бог такую выбрал роль —
не женщиной подняться над тобой,
а палачем, и бросить, не любя...
Но разве так я видела тебя?..

НОЧЬ

Черные платья ночных облаков
в холоде озера тонут устало.
Стынет камыш у крутых берегов,
светит луна над мостом у причала.

Тихо кругом, задремали цветы,
свесили ивы зеленые косы,
дикой сирени седые кусты
запахом нежным наполнили воздух.

Синим туманом укутался лес.
Смотрит задумчиво ясень высокий.
Падают звезды с уснувших небес
в пышные волны зеленой осоки.

ВЕРЮ

Я верю в то, что ангелы на небе
своими крыльями от бед укроют нас.
И в то, что различить не сможет время
два жарких сердца и сиянье глаз.

Мы навсегда обвенчаны судьбою
под куполом заманчивых небес,
и под одною молимся звездой
над головою возношая крест.

Нам столько лет — как вечное мгновенье,
где ты и я в забвении миров,
где наполняет душу наслажденье
со светлым именем — Великая Любовь.

Я за тебя пройду огонь и воду,
сквозь ветры и холодные дожди.
Отдам надежду, молодость, свободу
во имя нашей праведной любви.

И пусть вокруг разрушены кумиры,
пусть идеалы втоптаны в порок...
Я свято верю в то, что в этом мире
пока живу я, ты не одинок.

ПУСТЬ БУДЕТ СВЕТ!

Греховен вкус тебя и сладок,
но эта сладость слишком жжет.
Не наведя в душе порядок,
смотрю с искусственных высот.

И словно шествую над миром,
но так ничтожна и мала,
не понимая, что кумира
себе из праха создала.

Я вижу то, что стоит смерти,
и улыбаюсь без вражды,
когда послание в конверте
беру у тех, чьи сны пусты.

Я вновь ищу свою идею,
в которой правда — это боль,
вдыхая горечь осуждений
и никотиновую смоль.

ВМЕСТЕ!

Обитель мрака —
эта ночь.
Ты снова здесь от боли плачешь.
Но я смогу тебе помочь
увидеть мир
совсем иначе.

Я сердце вырву
из груди
и освечу тебе дорогу.
Не бойся этого пути —
мы будем вместе...
Вместе с Богом!

* * *

Лицом — к могиле. Жжет земля.
Я над тобой, как тень, стою.
Ты кровью платишь за меня —
за жизнь разбитую мою.

Один среди холодных змей,
безбожник, с грудью без креста.
И я прошу тебя теперь:
— Покайся, призови Христа!

Проси простить — и Он простит,
спасая душу от огня.
А значит, я сумею жить,
тебя единого любя.

Не верь слезам. Они солгут
о вечном рае без греха.
Но рай вдали, а сердце — тут...
И вновь в твоей — моя рука.

* * *

Позволь мне остаться с тобой
невидимой тенью заката.
Я твой не нарушу покой —
мне этого больше не надо.

Не надо ни ласки, ни слов.
Я счастья такого не стою.
Пусть это и будет любовь —
смотреть на тебя тишиною.

И плакать искрою огня,
и выть, как седые метели,
о том, что не будет меня
в твоей одинокой постеле.

* * *

Качнутся небеса,
и под удары сердца
раскроются на миг
слепящей полосой.
Не сможет никогда
у пламени согреться
остывшая душа,
забывая тобой.

На смятых простынях,
изломанная дрожью,
безжалостную боль
пытаюсь притупить.
Я — холод. Ты — огонь...
Мы слишком непохожи,
чтоб перед ликом звезд
обвенчанными быть.

ПЛАМЯ И ДОЖДЬ

Пылало безумное пламя
среди старых поленьев седых.
И, рыжие кудри расправив,
смеялось над дрожью земли.

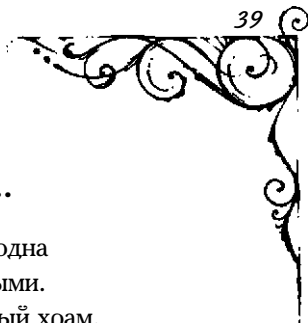
Ни страха не знало, ни боли
от бешеной силы своей,
и молнией рвались на волю
ладони бессмертных огней.

Но вот в этом огненном теле
заплакала сердца звезда —
и искор взлетели метели,
как слез золотая вода.

Влюбилось огня воплощенье
в цветное дождя серебро,
в пушистое туч оперенье
и радуги летней светло.

Оно задрожало в объятьях —
качнулась небесная высь...
Под гордое рыжее платье
ладони дождя ворвались.

Неудержной страстью объято,
упало сгоревшей звездой
среди одинокого сада,
оставив лишь пепел цветной.

НЕЗЕМНАЯ...

Сокройся, солнце!.. Я одна
стою под сводами немymi.
Прими меня, безмолвный храм,
не называя даже имя.

Как справедлива Божья власть!
И лишь по Божьему закону —
суди за пламенную страсть
перед святыми на иконах.

За ним, свернувшая с пути,
себя по ветру растрепала.
Мне больше некуда идти,
и этой муки будет мало.

Но есть и истина моя,
как оправдание забвенья:
его любить умела я
и для него была спасеньем.

Единый миг в моих глазах —
он отражался самым лучшим.
Но к небесам пришла гроза,
и вместо солнца — снова тучи.

Погас огонь, а дыма нет.
Последний локон состригая,
я принимаю Твой обет:
пусть есть любовь, но неземная.

Он просто умер для меня...

Я ЗНАЮ: ТЫ ЗДЕСЬ...

Сквозь мрак и туман на холодной земле
шагами безмолвия, поступью ночи,
я знаю: ты здесь, ты вернулся ко мне,
оставив соблазны желаний порочных.

Любовью объят, ты скрываешь глаза,
стеснения полон за чувства святые.
И катится с неба ночного слеза
по белой щеке на ладони пустые.

Не бойся открыться... Но ведаю я,
что чувствуешь ты, и сама ощущаю.
В обитель свою принимая тебя,
тобою прощенная, тоже прощаю.

Я ТЕБЯ НЕ БРОШУ...

Мне страх отмерен по часам,
холодным светом обозначен.
И ты уже не сможешь сам
сильнее стать и жить иначе.
В плену смятения опять
пред ликом мудрости обмана,
тебя заставили принять
за идеал лицо изъяна.
Меня проклятием клеймили
тобой голодные уста.
Она измаялась в могиле
под тенью вечного креста.
Она тобой была больна.

Ты сдался ей, и ты умрешь,
на сотни выстрелов разделен.
Мы так любили слушать дождь
и засыпать в одной постеле.
Пусть высота губила нас.
И пусть земля была дороже,
но даже в самый трудный час
ты знал, что я тебя не брошу.

Прощание... Как трудно не молчать.
В пустых словах теряется обида.
Холодными глазами палача
ты смотришь на меня открыто.

ДОЖДУСЬ...

Есть в сердце Бог, а после — он!
Иду за ним и только прямо,
когда качает небо звон

колоколов

ночного храма.

А если ложь — кричи, Земля.
Так больно падать на колени!
Свое забвение, любя,
в слезах ищущу успокоений.

Слепое зарево-рассвет,
перекрести меня лучами.
Из этих снов дороги нет,
как нет его... Одна ночами.

Но я дождусь — он будет здесь.
И эта боль молитвой станет.
В холодном куполе небес
исчезнет ночь семью крестами.

Мы будем счастливы!

* * *

Над куполами — воронье.
Остыла ночь в озерных дырах...
Не любим мы, но мы вдвоем
привычно врем о том, что было.

ПОЛНОЧЬ

Ключья холодного мрака
вокруг развешала полночь.
Одна, в объятиях страха,
зову молитву на помощь.

Ты не со мною, любимый, —
в чужой уснувший постеле.
И кто-то бешеной силой
в окно бросает метели.

Застывшим воском погасит
свеча упрямое пламя.
Зима стекло разукрасит,
меня тени местами.

Твое дыхание помню,
ищу губами ладони.
И, словно тенью укромной,
душа блуждает и стонет.

* * *

Ужасен ад. Кровавой пеной
телес греховных имена
смывает жадно и умело
огня кипящая волна.

Кричат они от вечной боли,
но что творили на земле?..
И эта страшная неволя
сковала намертво в котле.

Но есть и рай для тех, кто верил,
чьи души живы и чисты.
Цветут прекрасные аллеи.
И звезды пахнут, как цветы.

Там их покой и счастье вечно.

* * *

Дыхание мое беззвучно,
а пульс тревогою томим.
Грызет огонь сухие сучья,
и превращает ветер в дым.

Здесь все, как прежде, безизменно.
И те же свечи у окна.
Но нет со мною страсти пленной,
как нет тебя... Я здесь — одна.

Все двадцать лет — немые пути,
от горя впалые виски.
Я помню каждую минуту
разлуки нашей и тоски.

* * *

Ты хочешь быть и демоном и светом,
невинным жестом сжечь его дотла?
Так будь такой. Скажи ему об этом.
Ты слишком долго этого ждала.

Желанием измученное тело
отдай навек в объятия огня.
Коснись его безумно и несмело —
пусть он поймет, почувствует тебя.

И запах твой божественный и нежный
запомнит ночь, мгновенье и закат.
Как тишина, застынет на одежде
твоих духов волшебный аромат.

В нем — сила звезд, цветочная прохлада,
и свежесть амбры вечностью манит.
Как нежный транс — любовная услада,
полночный ветер — страсти фаворит.

Не бойся жить. Ты сильная отныне.
Тебя, вдыхая, он запомнит вновь
твои живые линии святые
и, словно небо, вечную любовь.

НЕ ПРОСТИЛА...

Ты был моим, и я тебя любила —
к иным чертам и мыслям холодна.
Ты помнишь, сумашедшая луна
нас плавила и с разума сводила?
В твоих руках, очнувшись на мгновенье,
спросила я: «Почувствую ли боль?»
И ты сказал: «Отныне — ты со мной...
Мгновенье боли, после — наслажденье».
О, этот рай! Мы были в нем одни.
И я цвела под колокол Флорента,
счастливая и проклятая кем-то
за то, что так ослепла от любви.
Но рай был сном, а ты его — мольбой.
Ты бросил все в распахнутой постеле,
когда судьба решила на дуэле
за честь мою расправиться с тобой.
Но что же честь, когда явился страх?
Из уст его ты слышал наставленье:
«Тебя не раз коснутся наслажденья —
и женщины с пылью на руках...
Оставь ее! Ты вправе все забыть.
Ты не давал церковного обета.
Она сама ждала тебя, раздетой,
и обещала верить и любить».
И ты сказал: «В тебе — моя беда,
и мой порок, тобою принесенный».
Ты уходил спокойный и веселый,
но уходил еще не навсегда.

Все лики ада встали предо мной
единожды безумными судами.
И казни неразборчивыми снами,
где Божий свет явился темнотою.
На этот крест, взошедшая сама,
я жгла себя и шпили забивала
в живую грудь и в светлое начало,
виною отрезвленного ума.
Была вина, но только ли моя?
Она одна связала нас в разлуке,
и в разных снах прощенья и муки
из наших уст услышала земля.
Я там одна платила за двоих,
но для тебя не ведала проклятий,
и лишь — мольба о сладости объятий
и о забвенье губ твоих.
Я так ждала. И ты пришел ко мне,
но не живым, а тенью опустелой...
Я там сама лежала в платье белом,
и трещины хрустели по стене.
Как мы могли?.. Мы проклинали себя.
У страшных врат великого совета
звучал вопрос.... И вечно без ответа.
Я не скажу, простила ли тебя?..

Я ПОМНЮ...

Устали свечи плакать,
и над скатертью
дрожит мираж
погасшего огня.
Была с тобой
и женщиной и матерью,
я столько лет
боролась за тебя.

Я помню этот страх
в глазах растерянных,
когда узнал,
что больше — не твоя.
И птицы пели нам
в краю потерянном
о том, что ничего
вернуть нельзя.

На косы падал дождь
и платье белое.
Каким холодным был
последний дождь!
О, Боже, что же
я с тобою сделала?!
Ведь ты же без меня —
с ума сойдешь.

РОМАНС

Не уходи без прощенья.
Страшно — коснись меня.
Наше с тобой крещение
здесь совершит земля.

Грудью к груди измученной —
и до рассвета шаг.
Мы не искали худшего,
просто случилось так.

Ветер о скалы крошится,
небо сошло с ума.
И ничего хорошего
нам не вернет зима.

Злые глаза людей чужих
смотрят — и видят зря.
Кто-то сказал тебе из них,
что виновата я.

Брось! Отрекись! Отдай другим!
Ложью меня сожгли.
Только и ты поверил им
там, на краю земли.

Но не моя греховна плоть,
только лишь — ложь твоя.
Всех на кресте простил Господь,
значит, прощу и я.

Я ПОВЕРЮ ТЕБЕ...

Сгорели свечи под грохот дождя
в пустынной зале застыли портреты,
а я веками искала тебя
среди огонии, тьмы и рассветов.

Как призрак ночи, вошедший ко мне,
смахнешь с плечей своих блудные капли.
И этот мир в приоткрытом окне
со всею болью и ложью иссякнет.

Колени к трону склоняя свои,
впервые власть над собою признаешь,
но не мою, а Великой Любви...
И я поверю тебе, ты же знаешь!

Былые муки, гонимые прочь,
сожгут свечением вечные своды.
Нас обвенчает Великая Ночь —
императрицу и сына свободы.

ОТПУСКАЮ...

Ногами — в терпкое тело
до боли. Боли во имя.
Я повторяю несмело
твое далекое имя.

Зачем единожды стала
сильнее глупого мира.
Я все в тебе поломала
и за тебя заплатила.

Мое создание гибнет
и грудь устала от боли.
Под бой церковного гимна
я распрощаюсь с тобою.

Не хороню — отпускаю!
И лишь молитвой послушной
последний раз заласкаю
твою холодную душу.

В ДОРОГЕ...

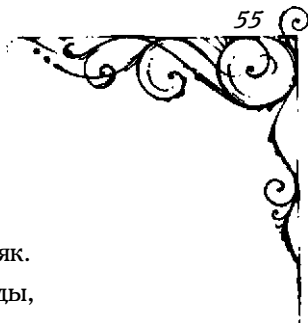
К груди твоей, припав, сегодня слабой буду.
Молитвенная ночь — она не для любви.
А там — идет война, и в каменные груды
ложатся города и тонут корабли.

Там — болью пахнет дым и воздух каменеет
в дыхании огня и столах матерей.
На третью луну, когда опять стемнеет
ты тоже будешь там с погибелью своей.

Но не сдавайся ей, как женщине холодной,
и стоном не пои бескровные уста,
а локон мой целуй, который срежу гордо,
в прощании с тобой и с верою в Христа.

Целуй и говори, что в нем — твоя защита,
что ангелов прошу о жизни за тебя.
А если не поймет, зови меня открыто,
как первой ночью звал, желая и любя.

Я слышать буду крик и знать, что ты не предал.
Я кровь твою и боль с тобою разделю.
И вдруг отступит смерть, признавшая победу,
пред образом любви в дороге к Алтарю.

* * *

Остаток гордости иссяк.
Неискушенная однажды,
теперь мечтаю о тебе
и страшно мне, и сладок страх.

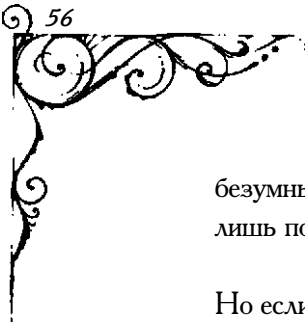
В нем — предвкушение любви.
Зачем ты спрашиваешь дважды,
хочу ли я принять тебя,
и слабой быть в твоих руках?

Ты знаешь сам, что это так,
что мой закон — твои желанья.
И все сомнения мертвы
пред ликом страсти роковой.

И не убийственна она,
скорее — благо, чем страданье,
но если будешь не моим,
то только смерть заснет с тобой.

Да, ты умрешь, травой поникнув,
и кровью смоешь мой позор.
За честь мою заплатишь жизнью,
за то, что я обман любила.

И пусть не говорят потом,
что та любовь, в которой гибнут —

безумный вздор. За все прошу
лишь после смерти у могилы.

Но если верен будешь ты,
то будешь жить и жить, вбирая
от мира благо для души,
а от меня — любовный хмель.

Чтоб каждой ночью для тебя
спускался рай и, засыпая,
ты верным сердцем понимал,
что этот рай — моя постель.

ЖЕНЩИНА В БЕЛОМ

Чувствуй меня духом и плотью,
кровью моей бейся по венам.
Сброшу с себя эти лохмотья:
просто стою — женщина в белом.

Светит луна, вся серебрится,
тайной своей мир наполняя.
Снова одна, словно волчица,
я не ищу вечного рая.

Всюду зима, холодно очень,
и никому в ней не согреться.
Наши с тобой летние ночи
я сохраню в раненом сердце.

Тысячи слов, сказанных нами,
что для меня стали молитвой,
каждую ночь, их повторяя,
жадно дышу воздухом битвы.

Битвы моей с горькой судьбою.
Пальцами бью черные стены.
Я все равно буду с тобою —
вечно твоя Женщина в белом.

ТЫ НУЖЕН МНЕ

Здесь веет вечностью незримо,
на шаг от адского огня,
но я, спасенная Афиной,
как вечный дар приму тебя.

И эту смесь вины и битвы
среди кладбищенских крестов
развеет вечная молитва
из светлых сложенная слов.

За волчьим воем неразумным
взойдет луны холодный глаз.
А ты люби меня безумно —
люби, как любят в жизни раз!

И зацелованна тобою,
я стану жить смертям назло,
одной распятая виною —
за страсть, пьянящей, как вино.

И в каждом зареве рассвета
кричать от сладости живой,
когда восходит, как планета,
на небо сердце за тобой.

Ты нужен мне. И вечной верой,
питая сердце и любя,
благославленная Венерой
из сотни звезд найду тебя.

НЕ УХОДИ

Я разорву ногтями вены
и кровь свою отдам тебе.
Не уходи в немые стены,
лишь тело бросив на Земле.

Ты должен жить, дышать и верить
в единство наше на века.
Не уходи в ночные двери,
где будут только облака.

Целуй меня назло разлукам
и смейся ужасу огня.
Не уходи к холодным звукам
в чужое небо от меня.

Пусть бьется ночь дождем о камни
и снова стонет над землей.
Не уходи за ветром давним —
останься на Земле со мной.

НЕТ ЛЮБВИ...

Нет любви. Молчит дыхание.
К поцелуям не спешит.
Как немые изваяния,
без одежды и души,
мы стоим, едва заметные.
Мы клялись у Алтаря.
И дрожит огнями светлыми
дева в сроках сентября.

Ночь — моя, твое — забвение.
На двоих осколки слез.
Одиноким дуновением
ты с собой меня унес.
И в холодном платье шествуя,
я вошла в церковный зал.
И была твоей невестою —
мне об этом Бог сказал.

Нет любви. И разве хочется?
Так приятен наш покой.
Я ушла от одиночества
с окольцованной рукой.
Прикоснись, но только медленно,
чтобы сердце не обжечь.
Я — твоя. Верна и преданна:
и слезой, и лаской плеч.

ТЫ БЫЛ СИЛЬНЕЕ МНОГИХ...

Под камнем — только гроб, ты был сильнее многих.
Свободный, как рассвет, прекрасный, как душа.
И маялись ветра, и путались дороги,
но ты умел идти, и я с тобою шла.

Нам верил только Бог. От крови руки стыли.
В сражении земном дрожал небесный лед.
Ты ненавидел боль, рожденную в могиле.
Я знала, что она сама тебя найдет.

А свечи, словно ждут, но только ради смерти.
Они хотят продлить мучения твои.
Оставь же мне весну в малиновом конверте...
И больше никому о нас не говори.

ПРОСТИ...

Прости меня. Последний раз прости.
Со мной познал — и боль, и сладость.
Была я счастьем на твоей груди,
но болью в памяти твоей осталась.

А ветер зол на правду и на ложь:
как правдой ранили, так ложью грели...
Меня понять не пробуй — не поймешь.
Мы разные и в небе, и в постеле.

ГЛУПЕЦ

Чего ты ждешь — своей свободы?
Но разве я — твои оковы?
Как пламя, брошенное в воду,
я меркну, возгораясь снова.
И так слаба. Мой нрав изношен.
А ты казнишь меня глазами.
Ты мне любим... И даже тошен,
когда любовь горчит слезами.
Ты так смешон... И без отказа
стремишься в бой победой править.
Но твой противник — твой же разум,
который хочет все исправить.

Глупец, ты борешься с собой!

НОЧЬ ПРОЩАНИЯ И ЛЮБВИ

Посвящается Моему Воину!

В последний раз за боль ты не меня прости —
разлуки боль судьбою уготованна.
И ты еще со мной, мой воин вечности.
Еще не жжет война металлом кованым.

Там призваны на смерть за правду мнимую.
Им умереть свободными приказано.
А я дрожу в тебе, еще любимая,
как нитью золотой по венам связана.

Где ангелы — давно не властна боль,
колоколами нам поют, безгрешные.
Ты только, уходя, мне ждать позволь,
пока не станут прахом губы нежные.

Оставьте нас, пустые изваяния
теней и ночи, сотканные вечностью.
Согрей меня обрывками дыхания
и успокой иллюзией беспечности.

Сердца других кромсает вражеская рать,
а наши — бьются вместе, во слиянии.
Я всю свою любовь хочу тебе отдать
молитвой на одном дыхании.

* * *

Воздуха мало — меньше, чем ночи.
В этой обители мы не одни.
Кто-то порочный лезвие точит.
Кто-то за окнами гасит огни.

Там, на восходе, лаврами устлан
войска святого праведный путь.
Здесь — мудрецами передан устно
выбор правителей... Нам не уснуть!

ВОЙНА

На крыльях остывает безмолвие.
Ты послан мне из мудрости лет.
Я вижу, как сгоревшие молнии
по небу собирает рассвет.

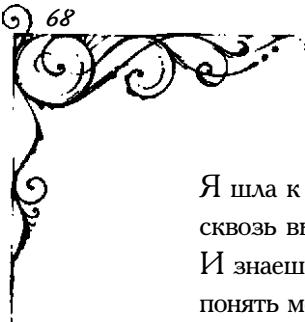
Извечно бытие. И от времени
приходит нам рождение дня.
Где более свободы, где менее —
ты первый, кто не судит меня.

А демоны, в туманы одетые,
манили ожиданием сна.
Мне Библия сказала заветами
о том, что это — просто война.

И черных силуэтов скрепления
ложились на пути к небесам.
Я болью принимала крещение,
которую тебе не отдам.

Дрожали под небесными сводами
пороки, уходя под арест.
Он был один из тысячи проданных,
носивший перевернутый крест.

И плавило немое свечение,
знакомый из древности сад.
Я знала, что сгорю в отречении,
но снова возвращалась назад.

Я шла к нему забытыми тропами
сквозь высохшую муть пустоты...
И знаешь, он ведь даже не пробовал
понять меня, как понял бы ты.

Мы любим лишь иллюзию нежности,
но, в сущности, пороку верны.
По воле роковой неизбежности —
мы воины Библейской войны!

P. S.

Не обещай мне вечную истину...

ЗАЩИТИ МЕНЯ...

В безмолвии неба рождаются звезды,
их светом серебряным мир перекрашен.
Мне страшно одной. И поверить непросто,
что гибнет любовь под неверием нашим.

Одна в тихой скорби я сну неподвластна.
Страданием дышит, волнуется сердце.
Под влажным покрывием кожи атласной
твоей теплотою желает согреться.

Паду на колени пред Богом единым:
— Вернись!.. — заклинаю молитвой послушной.
Судьба возвела мне свою гильотину:
не голову рубит, а вечную душу.

Но ты... Ты — свободней ее и сильнее.
Ты — ветер, подвластный лишь силам любви.
Вернись, защити меня волей своею,
и перед Богом женой назови.

Я ВСЕ ЗАБЫЛА...

Мое прощение тебе. Я все забыла.
И то, как ждал. И то, как уходил.
Ты только знай, я так тебя любила!
Тебя никто так больше не любил.

А ночь молчит. Не скоро до рассвета.
И капли слез глотает пустота.
Чего я жду? Наверное, ответа...
Но ты мне не ответишь никогда.

* * *

Открытых окон пустота
нас увлекает на закат.
Дрожит осенняя листва
в туманном омуте прохлад.

И ты — со мной последний раз.
Нам есть, что вспомнить и забыть.
Я не виню тебя сейчас,
как не прошу меня любить.

Так скоро ночь опустит шаль,
дневные страсти притупя.
Ты — покидаешь мне печаль.
Я — отдаю тебе тебя.

* * *

Молчание слов. И редкая дрожь.
Разлука бывает мудрой.
Ты просто уйдешь. Навеки уйдешь,
со мною оставив утро.

За краем земли проснется рассвет,
лучом перекрестит дали.
И прошлого нет. И горечи нет.
Мы просто другими стали.

ЕЩЕ ЖИВА...

Зачем теперь твоя война,
когда глаза мои без слез?..
И, пробуждаясь ото сна,
ты задаешь себе вопрос:
— Жива ли я? — А ночь молчит,
переполняя мраком свет.
И в слабом зареве свечи
начертан легкий силуэт.
Ты смотришь в ночь и снова ждешь...
Ты ждешь меня последний раз,
перебивая криком дождь,
и называя прахом нас.
Так внемлет жалость, но — итог:
сгоришь над пропастью огня.
Ты защитить меня не смог.
Ты отказался от меня.
Дрожит свеча, а с ней — слова.
И больше нет на слабость сил.
— Жива ли я?.. Еще жива!
Но ты об этом не просил.

* * *

Я верила в чудо, которого нет.
Земля остывает бездушной планетой.
И часто на полночь похожий рассвет
смеется над нами остатками света.

По спутанным венам струится вода.
От истины гибнем, во лжи засыпаем.
И шепчется зыбко с душой пустота.
Мы — призраки мыслей, мы — черные стаи.

Так душно молчать. Невозможно курить,
в ментоловой горечи губы сминая.
Я что-то пытаюсь друзьям объяснить,
украдкой опять о тебе вспоминая.

Продать за свободу, не думая даже,
остывшую боль потерянных лет...
Наш мир умирает — он больше неважен.
Я верила в чудо, которого нет.

МЫ ХОТЕЛИ ЛЮБВИ

В небе вечен покой.
Нам Мадонна не верит.
Пред иконой святой
я склоняю колени.

Я прошу за тебя,
ослепленная светом.
И, наверно, не зря
далеко до рассвета.

Как кричала земля...
Содрогаясь в постеле,
ты коснулся меня.
Мы куда-то летели.

Мы хотели любви,
но любили обманом.
И клеймом на груди —
не залечены раны.

В небе вечен покой.
Нам поверит Мадонна.
Перекрестит рукой
с нерушимого трона.

Ты вернешся назад.
Ты придешь, как когда-то...
Ты один виноват.
Я одна виновата.

ДВЕ ПОЭМЫ

ЛЮБОВНИЦА ОГНЯ

Проколото тело лучами луны,
до самого сердца раскроено светом.
Одна, проклиная порочные сны,
склонилась в молитве Святого Завета.

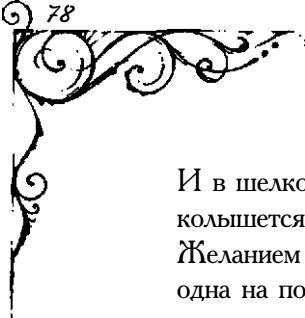
На исповедь эту никто не придет —
здесь свечи не плавят убранство иконы,
и в золоте алом не высится свод
под вечные звуки церковного звона.

В открытом окне перед ней — небеса,
как черная ширма, за нею — Спаситель.
С терпением смотрят святые глаза
на полную мрака земную обитель.

Готовые каждого выслушать вновь,
пришедшего с болью под вечные своды:
Господь не судья, а Святая Любовь,
дающая людям покой и свободу.

Оконные стекла застыли во льду —
немые свидетели муки чужой.
И плачет она в беспробудном бреду
с израненной плотью и падшей душой.

Но замерло время под властью чудес,
на миг обернувшись в былые года.
Как Ангел, сошедший с рассветных небес,
на пламенном сердце не чувствует льда.

И в шелковом кружеве блузы ночной
кольшется плавно невинная грудь.
Желанием нежности сломлен покой —
одна на постеле не в силах уснуть.

В холодном плену золотых простыней,
охваченна трепетом, смотрит она,
как белым пятном возвышаясь над ней,
на небо святое восходит луна.

По влажным губам растекается стон,
летающий из тела волною огня:
— О, боги! Ну где же скрывается он,
способный заставить склониться меня.

И трезвую кровь отравить навсегда
убийственным ядом своей красоты,
когда захочу я сгореть без следа,
подобно осколку летящей звезды?

Он будет сильнее стихии любой,
познавший запрет и безумие мук.
Я брошусь к нему и покорной рабой
отдамся во власть обжигающих рук.

И с мыслью об этом в объятия сна,
истомой распятая, падает вновь,
смахнувшая слезы. И снова — одна.
Она презирает себя за любовь.

В расплавленном воске застыла свеча,
невинно мерцая последней искрой.

И дикие вороны, что-то крича,
нетруной ночи ломают покой.

Но это не птицы, а тени от них
сливаются плавно в единую масть.
И черные крылья за плечи сложив,
восходит в полночи проклятый князь.

Холодной ладонью разбито стекло.
У белой постели, склоняясь над ней,
небесным запретам на сотое зло
к груди прижимается грудью своей.

Он шепчет ей нежно:

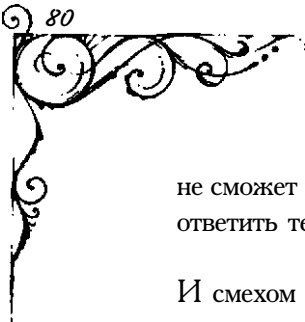
— Богиня, проснись!

Ты слышишь? Я здесь, я пришел за тобой!
Из пламени сладкого поднятый ввысь,
навек сраженный твоей красотой.

И шепот услышав, проснулась она,
объятая страхом пред ликом чужим.
По телу проходит немая волна —
то страстью пронзает, то болью души.

А губы его повторяют опять:
— Я здесь, я услышал молитву твою.
Ты в пламени страсти желаешь пылать,
под каждый рассвет, просыпаясь в раю.

И жаль, что не сбывается молитве твоей
по глупой причине, но значимой вновь:

не сможет никто никогда из людей
ответить тебе на такую любовь!

И смехом шальным зажигается весь
под трепет ее и беспомощный плач.
Как лазером в сердце — пришедшая весть:
он здесь, искуститель ее и палач.

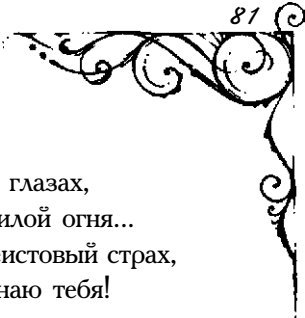
Частицами крови по венам живым
разлитые отзвуки боли слепой.
В огонии страсти, горящая в дым,
глотает беспомощно воздух сырой.

И плачет, и шепчет с дыханием врозь:
— Мне смерти страшнее покинутой быть...
Слепой, одинокой, проткнутой насквозь
желанием грешным. И век не любить!

Не верю в беспомощность страсти своей,
которой дышала, как воздухом я.
И тот, для кого не бывает цепей,
найдет — и уже не оставит меня.

Ты ложью проклятой рождаешь слезу.
Я жизнью своей перед небом клялась,
что с ним обвенчаюсь и в смертном часу,
иному соблазну не давшая власть.

И встала она перед ним с простыней,
в невинной душе согревая мечту.
Над собственной жизнью, над болью своей
свечением звезд поднялась в высоту.

Великая сила светилась в глазах,
способная справиться с силой огня...
— Уйди навсегда, мой неистовый страх,
я тысячным злом проклиная тебя!

Но он не ушел. Раскаленная кровь
томила́сь потоком, и ведала плоть,
что с нею греховною станет любовь.
Любовь, за которую умер Господь.

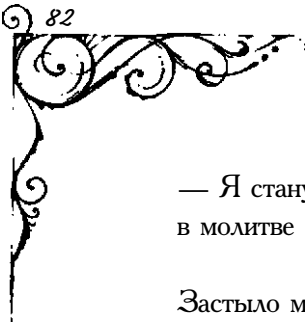
— Я столько искал тебя зовом огня,
с блудницами путал и чернью земной.
Но время пришло, посмотри на меня —
почувствуй, как вся наполняешься мной.

— Я слышу, — она приклонилась к земле,
признавшая идола страсти своей. —
Войди же в меня, и останься во мне...
Пусть мечутся волки под сетью ветвей.

Но он оттолкнул ее. Медью креста
ударил по сердцу в застывшей груди.
— Прими отречение в вере Христа,
и только тогда мы сумеем уйти.

Пусть Бог навсегда потеряет тебя,
а сердце раскрошится камнем пустым.
Обвенчаны пламенем, вечно любя,
мы будем едины на муку живым.

Она содрогнулась, припала к нему
и бросила гордо распяты́е в огонь.

— Я стану молиться тебе одному,
в молитве иной не сминая ладонь.

Застыло молчание. Губы — к губам
в безумном порыве прильнули опять.
Не сыпались камни, но рушился храм...
И небо не смело над бездной дрожать.

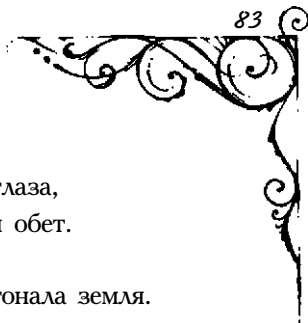
Он был к ней так близко — душевная смерть,
единый любовник из тысячи снов.
И жгла под ногами земельная твердь,
и душу терзала слепая любовь.

А сердце стонало в объятиях зла,
раскатами голос раздался во тьме:
— Ты вечную смерть за любовь приняла,
и это душа умирает в тебе!

Покайся, пока не истлела на прах.
Ты видела счастьем погибель свою...
И дрогнули вены в остывших руках.
И замерли Ангелы в белом раю.

Всезрящие очи раскрылись над ней,
разбили светлом единение тел.
А черные руки тянули сильней —
он жертву свою отпустить не хотел.

Раскатами грома зажглись небеса.
Слепящим потоком рассыпался свет.

Она закричала, закрыла глаза,
молитвы святой повторяя обет.

Он бросился к ней. Застонала земля.
И в скрежете слов разрушались дома:
— Не прячяся за веру! Теперь ты — моя,
владычица ада и Божья вдова!

Отрепьями плоти, обрывками вен
замри на Земле и в огонии зла
воскресни химерой из тысячи тел,
которые там не дошли до суда.

Отдайся же мне!..

Но молились уста.
И к небу ладони свои вознося,
просила она о спасеньи Христа,
за грешную страсть презирая себя.

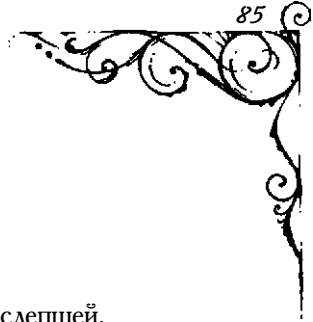
И дрогнули в склепах седые века,
когда при распятии жить поклялась.
Он был побежден — предводитель греха:
по Библии — змей, по сказанию — князь.

Теперь только небо...

В предверии дня
застыла луна над могилой огня.
Сказание это — не перечень слов.
Сказавшая здесь, повторяю еще:

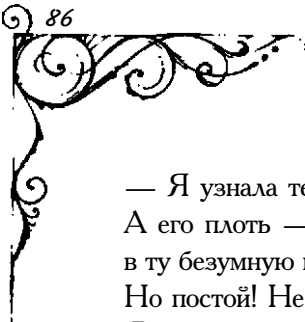
— Господь — не судья, а святая любовь.
Принявший раскаянье, будет прощен.

СМЕРТЬ ХИМЕРЫ

Стянуты цепи до треска
на запястьях ее. Химера
жалобно бьется, подобно ослепшей.
И горят почерневшие фрески с проклятием тех,
кто умел побеждать и верил.
А небо молчит,
ибо стало ему нестерпимо,
глядя в души людей.
Смутность там. Смятение.
И видит земля, как идут они в пропасть незримо.
Зачем идут? И кому будут преданы?
Там, на дне, только гады да тени
опиваются кровью людской на пирах своих.
И плачет вечность, ибо только она и ведаёт,
как мучителен страх их и холод.
Но есть и не отдавшие кровь,
неушедшие в пропасть смертную.
На груди у них — шрамы битвы, меч — в руках.
И сковала их в цепи медные,
собрала воедино — Анастасия.
Ей одной доверяют они.
Доверяют без страха.
А вокруг — лес шумит.
На поляне, окольцованной соснами,
воет Химера, смерть почуя.
Анастасия пришла за ней.
И возносится меч легко
над источенным мукою телом мерзости.
Но взмолилась Химера. Сжалась,
жуткий вой превращая в шепот:

— Я узнала тебя... Твоя боль была сладкой.
А его плоть — еще слаще
в ту безумную ночь, когда я разлучила вас.
Но стой! Не губи меня с жадностью!
Для тебя есть великая выгода:
ты должна превозмочь месть свою!
Я же — верну его!..
Дрогнули руки. Замерло сердце.
И качнулась земля под тяжестью стали.
Это меч упал.
«Я же верну его!..» — повторило эхо.
Все приутихло и она ощутила,
как касается он ее губ...
— Развяжи меня, — шепчет Химера. —
Я уйду, предрекая вам счастье.
Любите! А за мной — только радость за вас.
Но его оттолкнула она:
— Нет, творение ада, пощады не жди!
Он не нужен мне больше!
Мне кровь твоя — в радость...
И не мщение это, а милость всему человечеству!
Меч тяжелый подняв,
Анастасия рассекла ее надвое.
И втоптала куски в землю мягкую.
Он же — пеплом развеялся...
Но не ей страдать — слишком долго и так страдала.
Теперь сможет жить по-новому.
А на небо пришел рассвет.
И у тебя — рассвет...
Посмотри за окно,
скажи Богу «Спасибо!»

Содержание

Чего мы ждем?	5
Вечные легенды	6
* * * Когда совсем уйдешь...	7
Мы стали песком	8
Великий суд	9
Откройте окна...	10
Безбожница!	11
Здесь нет мужчин...	12
Казненная на рассвете	14
За родную Русь!	15
Храмы России	16
Сама судьба	17
Любила...	18
Я вернусь...	19
Над бездной...	20
Не быть с тобою...	21
Смерть воина	22
Монахиня	23
Уйду...	25
Ты не рядом...	26
Ты предал...	27
* * * Мой нрав — жесток...	28
Когда-то...	29
Ночь	30
Верю	31
Пусть будет свет!	32
Вместе!	33
* * * Лицом — к могиле...	34
* * * Позволь мне остаться с тобой...	35
* * * Качнутся небеса...	36
Пламя и дождь	37
Неземная...	38
Я знаю: ты здесь...	39

Я тебя не брошу.....	40
Дождусь... ..	41
* * * Над куполами — воронье... ..	42
Полночь.....	43
* * * Ужасен ад... ..	44
* * * Дыхание мое беззвучно... ..	45
* * * Ты хочешь быть... ..	46
Не простила... ..	47
Я помню... ..	49
Романс	50
Я поверю тебе... ..	51
Отпускаю... ..	52
В дороге... ..	53
* * * Остаток гордости иссяк... ..	54
Женщина в белом	56
Ты нужен мне	57
Не уходи	58
Нет любви... ..	59
Ты был сильнее многих... ..	60
Прости... ..	61
Глупец.....	62
Ночь прощания и любви.....	64
* * * Воздуха мало... ..	65
Война	66
Защити меня... ..	68
Я все забыла... ..	69
* * * Открытых окон пустота... ..	70
* * * Молчание слов... ..	71
Еще жива... ..	72
* * * Я верила в чудо... ..	73
Мы хотели любви.....	74

ДВЕ ПОЭМЫ

Любовница огня.....	76
Смерть Химеры	84

Литературно-художественное издание

Лебедева Анастасия Викторовна

Белая луна

Книга поэзии

Ответственный за выпуск *А. Аношко*

Редактор *А. Масаренко*

Корректор *Н. Рожкова*

Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*